

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОКРОВИЩЕ КАСТЕРОВ

Дэниел Хорн

Хорн Дэниел

Сокровище Кастеров

«Автор»

2026

Дэниел Х.

Сокровище Кастеров / Х. Дэниел — «Автор», 2026

Переживающие непростые времена, члены семейства Кастеров каждый день испытывают друг друга на прочность. В их доме уже устоялась напряженная атмосфера, вонь предательства и стремление разъехаться в разные стороны, но была между ними и общая мечта – вернуть ту счастливую семью, которой они когда-то были. Однажды младший член семьи купил на гаражной распродаже сундук с росписью из таинственных знаков и странным замочным механизмом. Вскоре сундук раскрыл свою главную особенность – он может исполнять желания. Главное помнить важное правило: где есть дар, там есть ответственность, несоблюдение которой карается кошмарным образом.

© Дэниел Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1: СДЕЛКА. Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Хорн Дэниел

Сокровище Кастеров

ЧАСТЬ 1: СДЕЛКА. Глава 1

Кошмар семьи Кастеров начался с сокрушительного падения на раскаленный солнцем асфальт рожка клубничного мороженого, зацепившего сливочной шрапнелью истрёпанную временем некогда дорогу кроссовку.

- Упс... - наигранно выдал Эдвард Кастер, смотря на упавший и столь желанный в июльское пекло десерт.

- Ты как всегда, да? Кто тебе только руки приделал? - упрекнула Эдди девятнадцатилетняя сестра Моника, красота и фигура которой казались пленительными для каждого парня со старшей школы. - Ну вот, фургон уже уехал.

- Прости, Мон. Я могу догнать его, - виновато предложил Эдди.

- Куда ты побежишь, бестолочь мелкая? - Девушка повернулась к брату и укоризненно посмотрела на него. - И я уже устала тебе повторять. Не называй меня Мон!

На симпатичном лице мальчишки проступила задумчивость, которую интересно подчеркнул шрам через левую бровь, который достался Эдди от внезапного знакомства с дверным косяком.

- Ладно, бери моё, - продолжила Моника, протягивая мороженое.

- Фу, фисташковое, - отпрянул Эдди наигранно скривив лицо. Такой игрой он часто выражал отвращение к невкусным десертам, и всегда - к домашним тушёным овощам. - Оно невкусное. Мон, ну разреши мне догнать фургон. Он не успеет уехать дальше Франклин-стрит. Ну пожалуйста-а-а, - последнюю фразу Эдди намеренно растянул, намекая сестре на абсурдность его положения.

«Ну сколько можно? Мне уже 10! Я взрослый, а не какой-то там восьмилетка с любовью к этим Красным рыцарям милосердия из детских комиксов. Я читаю только серьезные вещи, да и сколько дел мне уже поручает мама, а значит, купить мороженое я могу и сам».

- Бери или вообще останешься без мороженого. Не будь идиотом, хоть ты таковой и есть.

- Моника протянула рожок с надкусанным шариком зелёного пломбира.

- Нет, - твёрдо ответил младший брат, хотя в глубине души он уже понимал, сестра никуда его не отпустит, поэтому Эдди начал смиряться с мыслью, что никакого клубничного сегодня ему не видать. Мороженое Моника Эдди конечно бы не отказался съесть, но сейчас он не сделал бы этого даже под угрозой недельной уборки всех комнат в доме и месячного мытья посуды. Причина тому крылась в искренней любви к старшей сестре. Семья Кастеров в последние годы погрязла в склоках и ругани, оттого Эдди быстро познал ценность некоторых мгновений жизни и ему, как юному, но всё же мужчине, не хотелось за просто так отнимать удовольствие от таких мгновений у сестры, особенно в жаркую погоду.

- Оно твоё! Пошли домой, Мо-о-он.

- Вот и молодец, мелкий прыщ. В следующий раз будешь повнимательней, или могу предложить сделку?

Принципам юного мужчины пришлось подвинуться в сторону, ведь Эдвард Кастер обожал семейную дипломатию. Она превращала ничем не заслуженный отъём мороженого у сестры в весёлые торговые игрища, с помощью которых Эдди не раз устраивал себе свободные выходные, либо набивал желудок разнообразием редких, и порой, недешёвых для мальчишки вкусов.

- Давай! - Эдди приложил большой и указательный пальцы к подбородку, потирая ещё не тронутую угрями кожу. Так малец обратился в маленького философа, словно бы размышляющего о проблеме голода на планете.

- Я съедаю верхнюю часть и дохожу до сюда, - Моника указала в середину вафельного рожка. - Здесь начинается шоколад, никакого фисташкового. Шоколадная часть твоя, если обещаешь не плакаться маме о своём мороженном и ещё, если завтра перемоешь за меня посуду. Согласен?

- Хм... - Эдди делал вид, что серьезно обдумывает предложение, но Моника пока не знала, что младший брат ради мороженого уже был согласен на любые условия. - Хорошо, Мон. Такой расклад звучит вкусно, но смотри, не ешь мой шоколад, а то я тебя знаю. - с хитрой улыбкой ответил Эдди.

- Не буду, пошли.

Парочка направилась домой по Грин-авеню. Июльское солнце в этот год жестоко душило город Мэйрит, что расположился в семидесяти километрах к северу от Риптона, в штате Блэк-лиф. Эдди в этот год узнал о соседях много нового, ведь они выходили на улицу с оголёнными торсами, а некоторые и вовсе позволяя себе заниматься делами по двору в одних плавках. Это зрелище было для Эдди в диковинку, и оттого он ещё больше понимал, почему дома здесь стали такие разные.

Грин-авеню была одной из самых протяжённых улиц города, и дома вдоль дороги были построены ещё задолго до рождения Эдди по принципу – каждый новый дом, копия первого дома. Несколько раз Эдди видел фотографии молодых мамы и папы, которые переехали сюда ещё молодыми и вокруг действительно все дома было не отличить друг от друга. Эдвард Кастер в семилетнем возрасте провёл не одну ночь в раздумьях, каким образом его родители понимали, как среди десятков домов-близнецов родители отличали свой дом от чужого? Но этой проблеме всё равно суждено было остаться только на фотографиях, потому что со временем дома стали меняться, тем самым доказав любопытному мальчугану, насколько разными бывают соседи и насколько сильно эта разница может отразиться на виде их гнезда. Дом Кастеров, к печали Эдди, оказался слишком красноречив - он сразу же бросался в глаза как местным жителям, так и проезжавшим мимо. Это был единственный дом приятного кремового цвета с уютной мансардой и большим (огромным, по мнению Эдварда Кастера) полукруглым окном. Его рамы украшал орнамент из строгих геометрических линий. Окно это стало выразительнейшей чертой дома Кастеров, демонстрирующей не только благосостояние хозяев, но так же наличие у них вкуса к домостроительству.

Расширение дома, в ходе которого появилось изумительное окно, произошло в 1994 году, потому что Джеймс и Оливия Кастеры обрели первое сокровище - дочь Моника. Перестройкой же второго этажа занялась местная и некогда успешная строительная компания, владельцами которой являлись сами Кастеры.

- Ого! - восторгнулся Эдди и указал на расположенный напротив их дома двор мистера Грина. - Гаражная распродажа! Пойдём посмотрим?

Моника соорудила ладонью козырек над глазами и посмотрела в сторону лужайки их престарелого соседа.

- Отлично, мне как раз нужна парочка вешалок.

- Значит мы пойдем посмотреть? - с азартом поинтересовался Эдди.

- Ты глухой что ли? Мне нужны вешалки, а ты, запомни, тебе не нужны никакие игрушки. Денег у меня немного, а мама больше не даст. И не смей говорить отцу, что мы тут были, а то он нас и маму до истерики доведёт. Понял?

- Понял, - смиренно ответил Эдди.

Пока парочка переходила дорогу на противоположную сторону улицы, азарт покупателя остался там, где Эдди стоял всего несколько секунд назад. Мальчик вновь задумался о деньгах:

он совсем не понимал, почему этот вопрос так стал раздражать маму и папу, хотя даже толком не мог предположить, откуда родители вообще берут деньги. Но не следовало быть детективом, чтобы понять — источник стремительно иссякает, а с ним и семейная любовь.

Всего три года назад Эдди часто ходил с Моникой или родителями по магазинам, паркам развлечений, они путешествовали всей семьей. Пожалуй, самым приятным воспоминанием была поездка в Италию — там он впервые съел свою первую пеперони. Но за всеми этими развлечениями пряталось то, чего так не хватало сейчас маленькому мальчику, — семейное счастье.

В 1992 году, сразу после свадьбы, Джеймс и Оливия Кастер переехали в Мэйрит, штат Блэклиф. Джеймс с детства интересовался деревообработкой. После школы он часто проводил время с отцом, они вместе занимались строительством небольших вольеров для питомников. Для отца это было отдушиной, но для самого Джеймса стало первым шагом к выбору будущей профессии.

В университете он самостоятельно изучал архитектуру и дизайн. На второй год Джеймс начал подрабатывать в местной строительной фирме мелким разнорабочим, где постиг все тонкости строительного ремесла и познакомился с Крейгом Тари — своим будущим компаньоном и по совместительству ведущим специалистом по логистике стройматериалов и спецтехники.

На третьем курсе Джеймса ждал новый компаньон его жизни — он познакомился с будущей матерью своих детей. Очарованный ее красотой и образом мышления, решил скорее заполучить златовласое сокровище себе в жены.

Благодаря Крейгу Джеймс еще до выпускных экзаменов почувствовал приток шелестящих купюр и постоянно пополняющийся банковский счет. Компаньоны регулярно брались за различные заказы от простого проектирования косметических ремонтных работ до полной перепланировки малых площадей. Никто не мог предположить, что двое студентов зарекомендуют себя как профессионалы в своем деле. Как следствие, круг их клиентов быстро разрастался, а связи для карьерного развития только расширялись.

Джеймс уже сколотил себе неплохое состояние. Он чувствовал твердую почву под ногами, поэтому предложение руки и сердца для Оливии не заставило себя ждать. Обрученные немедленно занялись организацией свадьбы, намеченной на конец лета, сразу после выпускных экзаменов.

Родители разделили их счастье и с гордостью смотрели на уже повзрослевших детей. Бракосочетание прошло в узком кругу семьи и друзей в местной церкви, а празднование — на уютном дворе родителей Джеймса, где молодоженов ждал подарок — родительская часть капитала, выросшая из вложений. Джеймс и Оливия Кастер могли смело назвать себя семьей с завидным будущим.

После медового месяца, проведенного на горнолыжном курорте Мон-Трамблан, они смогли купить домик в Мэйрите — одном из самых замечательных мест в штате Горсот.

Джеймс работал на мебельной фабрике и отвечал за рабочее состояние конвейеров и компьютеров. Но свою дружбу с Крейгом не разорвал — он слишком ценил своего друга и партнера. Они продолжали заниматься проектированием ремонтных работ и грезил о том дне, когда смогут открыть собственное дело. Оливия занималась бухгалтерией в агентстве недвижимости в городе Риплтаун.

Дела шли как нельзя лучше. Вскоре у них родилась дочь, семейный бюджет еженедельно пополнялся, а их жизнь становилась все более насыщенной и счастливой.

В 2002 году Джеймс и Крейг решились на серьезный переворот своих жизней — они вложили целое состояние в реализацию семейного дела. В то время партнеры считали друг друга чуть ли не братьями.

Весной состоялось торжественное открытие компании «КиТ». Имя компаньонов имело серьезный вес на рынке, и сейчас оно работало на благо их фирмы. Оливия стала главным бух-

галтером компании, Крейг работал с поставщиками и персоналом, Джеймс же был идейным ядром. У него с рождения был дар — собирать в голове нагромождение идей и воплощать их в единой форме. Любые, даже самые противоречивые идеи Джеймс с легкостью мог переварить и представить макет, от которого в душе у клиентов будто загорался камин, подогревавший семейный уют и склонявший людей к выбору идей фирмы «КиТ». Другим огромным плюсом для компании была черта Джеймса, которую Крейг называл «выгодный расчет». Даже при минимуме бюджета Джеймс мог выдать максимум возможностей для клиентов, чем не могли похвастаться конкуренты со своим безыдейным и сухим следованием слову заказчика в купе с жадной экономией.

Фирма «КиТ» со временем твердо обосновалась на рынке. Джеймс с Оливией и не заметили, как подросла их дочь, и вскоре Кастеры уже вновь ждали пополнения. У них родился сын — маленький хулиган, которого родители наградили именем Эдвард.

Счастье было долгим, но не бесконечным. В начале 2007 года в «КиТ» поступил заказ от владельца мебельной фабрики — Клайва Эквуда. Задача стояла простая — частный двухэтажный дом. Джеймс взялся за дело и, учитывая все желания большой шишки, запросто утвердил конструкцию будущего дома и план строительства.

Во время работы над заказом Эквуда и начались странности в поведении Крейга. Частые прогулы, трудности в поставке стройматериалов да и запашок вчерашних гулянок стали нормой в жизни Крейга Тари. Джеймс редко обращал внимание на разгульную жизнь друга. Тот стал просить большие суммы в долг у фирмы, а точнее у Оливии, на организацию, как оказалось, призрачной нормализации логистики стройматериалов. Тогда Джеймс еще не разглядел в этом серьезной проблемы.

Кастеру не составило труда выяснить предназначение странных займов — покер и другие азартные игры в местном «тайном игорном клубе». Мало кто знал про это подпольное развлечение. Всему виной размер ставок, а там они начинались от тысячи долларов за одну игру. Многие догадывались, что обычным работягам там не место, если ты, конечно, не боишься проиграть большую часть своего жалованья.

Джеймс немедленно вызвал Крейга на серьезный разговор. Последний без лишних слов и препирательств пообещал вернуть все деньги, и Кастер не придавал значения словам закоренелого лудомана. Вслед за пустым обещанием вскрылись и другие отрицательные черты явно больного человека. После финального обсуждения проекта второго этажа для мистера Эквуда Тари и вовсе забыл о пунктуальности и обязанностях. Он стал раздражительным и едким. Более мелкие проекты задерживались в сдаче из-за отсутствия необходимых строительных материалов. Работники стали жаловаться на грубое поведение Крейга, а самое важное, он вновь попросил у Оливии деньги — пятьдесят тысяч долларов якобы на закупку требуемых материалов.

На экстренном совещании супруги единогласно пришли к выводу, что с Крейгом Тари нужно решать вопрос кардинально. Джеймс вызвал своего друга в офис для довольно неловкого, но нужного разговора.

Крейг воспринял все в штыки, когда вместо желаемых банкнот получил только упреки. Пусть даже Джеймс называл это помощью, Крейг не видел ничего полезного в словах названного брата.

Джеймс предложил единственный выход — лечение. Он ни в коем случае не хотел отбирать у друга часть фирмы и распрощаться с ним навсегда. Кастеры действительно хотели помочь, но Тари был иного мнения. На глазах у всех мирный разговор превратился в скандал, и Крейг мигом покинул стены компании с обещанием поставить всех на место.

Через неделю Оливия сообщила мужу, что заходил Крейг и принес две тысячи долларов в счет части долга перед фирмой. Джеймс пришел от этого в восторг, ведь он надеялся на понимание своего компаньона. Джеймс позвонил Крейгу и договорился с ним о совместной сдаче проекта мистеру Эквуду, которая должна была состояться на следующий день.

На встречу Крейг так и не явился. Джеймс встретил Клайва Эквуда, которого сопровождали жена Анна и маленькая дочь Алесса. Не дожидаясь друга, Кастер повел заказчика в готовый дом.

Пока Анна с Алессой любовались дизайнерским камином и болтали о том, как они справят здесь Рождество, Джеймс вместе с Клайвом направились на второй этаж, в комнату, которая должна была стать кабинетом для хозяина дома.

Первым в кабинет вошел Джеймс, и, как только он переступил порог, щелчок затвора заставил его застыть на месте и обернуться. Первое, что он увидел — дуло пистолета, направленное в висок мистера Эквуда. Поворачиваясь, Джеймс уже знал, кого он увидит — позади с пистолетом в руке стоял Тари.

Джеймс быстро догадался, в чем тут дело. Быть зависимым от азартных игр дело одно, но знать, что под носом есть источник больших денег и быть по уши в долгах, — совсем другое. Когда партнеры утверждали проект Эквуда, Джеймс и не обратил внимания, что будущая планировка кабинета слишком волнует Крейга. Он то и дело акцентировал внимание на сроках доставки мебели и чересчур интересовался кабинетом Эквуда, в частности особой просьбой заказчика.

По договоренности в кабинете было выделено место под стенной сейф. Правда, это была фальшивка. Эквуда однажды обокрали, вскрыв его денежный тайник, и, наученный горьким опытом, он решил завести два сейфа. Один — стенной для внештатной ситуации, второй — скрытый. Его должны были разместить в полу, замаскировав под элемент декора, и прикрыть столом с отъезжающей тумбой для документов. Под этой тумбой и скрывался настоящий сейф с несметными богатствами семейства Эквуд. Джеймс предлагал хранить большие суммы на счетах, правда, мышление богатых отличается от мышления остальных, не представляющих, как обращаться с большими деньгами. Эквуды — крупные инвесторы, и наличие свободных денег под рукой было крайне необходимо для экстренных вложений в подешевевшие активы. «Инвесторы богатеют в кризис. У мира он один, а у бизнеса бывает и другой» — эту мысль Клайва Эквуда Кастер запомнил надолго.

Джеймс, видя напуганное лицо Клайва, рассчитывал на переговоры с Крейгом, но безумное лицо компаньона говорило лишь о том, что им движет чувство легкой наживы. Не успел Джеймс произнести и слово, как Крейг направил пистолет в левую ногу Эквуда и выстрелил.

— Только попробуй начать тянуть время, и я убью его! Доставай деньги из сейфа. Я знаю, он там, под тумбой! — Крейг приставил пистолет к виску кричащего Эквуда и кивнул головой в сторону стола. — Ну же, твою мать, я не буду долго ждать!

Джеймс стоял в оцепенении и думал, как хорошо, что он не взял с собой Оливию и она осталась с детьми. Эдди заболел очень вовремя. Мысли тут же переключились на жену и дочь Клайва. Внизу было тихо, и он не слышал их крики. «Почему их не слышно?»

— Дружище... — Джеймс вышел из ступора и решил попытаться остудить Крейга. Только один запах пороха не давал успокоиться самому Джеймсу. — Денег здесь нет, успокойся. Пос...

— Закрой, сука, свой рот и быстро лезь под стол! Я знаю, что они здесь, их должны были привезти в последний день. Мы это обсуждали, помнишь? Быстро носи деньги! — Последние слова Крейг проорал, яростно выплевывая слюну, все сильнее вдавливая пистолет в висок заложника.

— Их здесь нет, мы решили встроить новые сейфы, — пытался обмануть Джеймс взбесившегося компаньона, — пойми, Крейг, это неразумно...

Звук сирены. За ним звук выстрела. Крейг, перепугавшись сигнала полицейских машин, нажал на курок. Мистер Эквуд распрощался с содержимым черепной коробки, и его мозги попытались вписаться в интерьер, но лишь безнадежно изуродовали его.

Новое оцепенение. Джеймс застыл, глядя в стеклянные глаза своего бывшего друга. Крейг был напуган, но в его глазах отчетливо прослеживалось и другое состояние — повальное безумие. Джеймсу почудилось, что человек, стоящий напротив, получил удовольствие от произошедшего.

Внезапный взрыв на первом этаже вывел обоих из ступора. В Джеймсе разыграло чувство страха вперемешку с гневом, и он, сам того не желая, кинулся на человека, который внешне оставался все тем же Крейгом, но внутри которого таился дьявол. Кастер с размаху влетел плечом в грудную клетку Тари, и снес его, хорошенько впечатав затылком об стену. Оба упали, затем Джеймс увидел полицейских, направивших табельное оружие на предполагаемых убийц местного бизнесмена.

Полиция прибыла по звонку Анны Эквуд. Тари не застал их, войдя в дом, но жена Эквуда заметила обезумевшего человека с оружием в руке. Женщина смогла сохранить хладнокровие и, схватив дочь за руку, выбежала из дома. На улице Анна быстро связалась с 911 и сообщила, что ее мужа хотят убить.

После месячного разбирательства Джеймса отпустили из-под стражи, а Крейга судили еще месяц. Анна Эквуд предъявила обвинение компании «КиТ» и отсудила у владельцев два миллиона долларов компенсации. Печальное наследство части фабрики и страховка мужа вмиг сделали ее богатой и независимой женщиной. Учитывая, что супруг постоянно учил ее семейному делу, она с достоинством приняла на себя бразды правления фабрикой.

Крейг Тари получил пожизненное и отправился отбывать наказание в тюрьму «Карта-сар», более известную среди коренных жителей Горсота и заключенных как «Темная долина».

На семью Кастеров выпала не более завидная участь. Взяв ссуду в банке, фирма смогла возместить установленную судом сумму, которая причиталась вдове Эквуд. Джеймс и Оливия неоднократно пытались связаться с Анной, чтобы попросить о встрече, но их раз за разом ждал отказ. Когда терпение новой владелицы мебельной фабрики лопнуло, она пообещала подать в суд за посягательство на ее личную жизнь, и Кастерам пришлось оставить бедняжку в покое.

Душевные терзания и финансовые потери были лишь первым этапом падения на самое дно. Вскоре многие клиенты стали отказываться от услуг компании «КиТ». Фирма теряла деньги на глазах. И немудрено. Как выяснилось, Анна Эквуд, давая интервью в газеты, преподнесла всех работников строительной компании «КиТ» как монстров и убийц. Но фирму покидали не только клиенты, но и работники, большая часть из которых стояла у самого основания компании. Джеймсу пришлось переименоваться с «КиТ» на обычную ремонтную фирму «Кастер», и, как следует из названия, спектр услуг ограничился лишь ремонтными работами. О строительстве и дизайне Джеймсу пришлось забыть так же, как и о старых связях Крейга Тари с партнерами, чье сотрудничество приносило эксклюзивные цены на стройматериалы и аренду техники.

Доходы упали настолько, что Оливии пришлось уволиться из семейной компании и подыскать работу на стороне. У нее было не так много вариантов, учитывая, кто писал рекомендацию. Однако ей предложили должность помощника главного бухгалтера в банке «Финанс-Каст» и аналогичную должность в агентстве по недвижимости. Обе фирмы находились в Риплтауне. В банке ставка была минимальная, и Оливия приняла предложение с более высокой зарплатой в недвижимости.

Тяжелее всего пришлось Джеймсу. Счета пустели, а долги по кредиткам копились. Оливии даже пришлось расстаться со своим «шевроле» и большей частью драгоценностей, чтобы перекрыть кредит и не влезть по горло в бездонную долговую яму. Теперь деньги в жизни Джеймса стояли на первом месте, занимая всецело его внимание, даже дети отошли на второй план. Глава семьи Кастер стал раздражительным скрягой, подсчитывающим им каждый цент и комментирующим любую покупку ехидными замечаниями. В день рокового выстрела не только Крейг распрощался со своей свободной жизнью, но и Джеймс — он стал рабом долгов.

Такая жизнь сильно сказалась на взаимоотношениях внутри семьи, кроме одной парочки — Эдди и Моники, чья брато-сестринская любовь была защитным барьером от ссор родителей.

— Ого, вот это штука! Что это?

Эдди взял со стола походный нож, который одним ловким движением превращался в минисекатор или зажигалку. Он уже представил себя человеком из будущего, который пришел в наше время, дабы спасти человечество от надвигающегося нашествия инопланетян.

— Слушай меня, рукастый, положи на место, — прошептала Моника брату.

— Да ничего, пусть играет, дочка, — неожиданно раздался голос со стороны гаража мистера Грина.

Из темноты гаража показался морщинистый сосед с редкими серебряными волосами на голове и заросшим белой россыпью волос лицом. Пол Грин, одетый в гавайскую бирюзовую рубашку и шорты цвета хаки, шлепал летними сандалиями по тропинке, ведущей от гаража к дороге. Он нес картонную коробку, набитую товарами для гаражной распродажи. Он бы ухватил еще одну коробку, но у него не было второй руки. Сколько Эдди и Моника себя помнили, сосед всегда был без нее, но при каких обстоятельствах он потерял конечность, никто не знал. Как припомнил Эдвард Кастер, многие говорили что-то о войне во Вьетнаме.

— Здравствуйте, мистер Грин! — поприветствовал соседа юный Эдди, продолжая держать в руке чудо-штуку для спасения мира.

— Добрый день, дядя Пол! — с улыбкой поприветствовала Моника соседа. — Может, вам помочь с чем-нибудь?

Седовласый сосед подошел к столикам, которые служили витринами для гаражной распродажи, и поставил на них коробку.

— Нет, дорогая, мне там всего коробочка осталась. Мороженое уже подтаивает, я гляжу, — сосед указал на руку Моники, по которой стекал шоколад с конца вафельного рожка.

— Ох, черт... простите... э-э-э... дважды простите.

— Да ничего, — с улыбкой проговорил Пол Грин и обратился к женщине, которая разглядывала связанный шланг: — Привет, Роберта, как там твоя рухлядь?

Она помахала Грину в ответ, не отрывая взгляд от шланга.

— Да нормально, лежит на диване и ждет своих чемпионатов, что еще он может делать. Кстати, есть еще шланги?

— А как же, вон, — Грин издалека указал на коробку, в которой лежали несколько садовых инструментов и пара отличных шлангов разного диаметра, — в той коробке. Тебе, может, помочь?

Роберта лишь махнула рукой. Пол посмеялся и взглянул на детей, которые уже о чем-то спорили. — Эдди, это твоя половина. — Моника протянула рожок своему младшему брату.

— Но ты съела больше, чем мы договаривались, — Эдди взял мороженое, — так не очень честно, Мон.

— Хорошо, с меня мороженое, окей?

— Договорились, но не фисташковое.

— Ладно, ладно. — Моника взглянула на мистера Грина. — Дядя Пол, а у вас нет вешалок? Они бы мне оченьгодились, и я бы взяла штук пять.

— Конечно, дорогая, в той коробке, — сосед указал на короб в конце ряда, — их там штук двадцать, самых разных. Мужские, девчачьи, металлические, пластиковые и, думаю... это еще не все.

Чтобы не ковырять постоянно кровоточащую рану карманных денег и желая избежать упреков отца, Моника решила сразу урегулировать финансовый вопрос:

— Мистер Грин, а во сколько мне обойдется каждая?

Пол посмотрел на коробку, в которой лежали заветные для Моники вешалки, и, секунду подумав, ответил:

— Для тебя, дочка, пять центов штука.

— А может мне, как соседке, три штуки за десять центов? — проговорила Моника, показывая свое умение торговаться.

— Эх... а я думал, что из-за того, что я ваш сосед, ты бы накинула старику по центу за вешалку. — Мистер Грин рассмеялся, а Моника подхватила, оценив стариковскую шутку. — Но тебе, красавица, так уж и быть, отдам три за двенадцать центов, идет?

— А куда мне деваться, но у меня всего десять. Ладно... возьму две, — с горечью ответила Моника.

Пол Грин украдкой глянул на дом Кастеров. Его лицо потемнело, и в глазах мелькнуло осуждение.

— Знаешь что, дочка, я совсем не понимаю, куда мне девать эти вешалки. Мне моих до конца века хватит. Давай сделаем так: я даю тебе три штуки за десять центов, а ты, — сосед указательным пальцем поманил к себе Моника и прошептал ей в ухо, — обещаешь никому про это не рассказывать, пока я не уеду отсюда. Договорились?

— Еще как договорились, мистер Грин! Только мне нужно забежать домой и взять деньги. Я надеюсь, вы никуда не денетесь за это время?

— Вот-вот собирался, но раз ты просишь, то я останусь здесь еще ненадолго, — снова рассмеялся Пол Грин.

— Вы не присмотрите за этим хулиганом, пока я схожу домой? — Моника указала пальцем на Эдди.

— Конечно, дочка. Беги.

— Сопляк, ты меня слушаешь?

— Сама ты сопляк, — не отрывая глаз от неведомой вещицы, ответил Эдди.

— Ух... Я схожу домой за деньгами, а ты стой здесь и не отходи от мистера Грина, понял?

— Понял вас, сэр капитан, будет исполнено. — Эдди отдал сестре честь, застыв в стойке смиренно.

Моника посмотрела по обе стороны дороги, перебежала улицу и вскоре скрылась в своем доме. Эдди вернул походный нож на место и прошелся вдоль столиков, подмечая самые разнообразные вещи, которые продавал мистер Грин. Это был рай для взрослых, но для мальчика — скука смертная. В основном столы заполняли инструменты и предметы интерьера. Когда Эдвард подошел к концу ряда, его внимание привлек предмет, накрытый старым махровым одеялом.

Часть таинственной вещицы торчала из-под покрывала. Со стороны это напоминало уголок небольшого комода желтого цвета с каким-то знаком у основания. Мальчик медленно подошел к предмету и не успел дотронуться до одеяла, как его тут же окликнул Пол Грин:

— Эдди, ты чего туда лезешь?

Мальчик вздрогнул от неожиданности и отдернул руку.

— Ничего, просто хотел посмотреть, — виновато ответил он, пряча от мистера Грина глаза.

Сосед ковылял в сторону мальчика, пока не оказался вплотную с таинственной вещицей. Он нагнулся и единственной рукой поправил одеяло так, чтобы полностью скрыть предмет от посторонних глаз.

— Эта вещь не продается, и попрошу тебя — не трогай. — Старик был очень серьезен.

Эдди кивнул, ему было страшно заговорить с мистером Грином, ибо его тон пугал не хуже, чем разговоры рассерженного отца.

— Эй, Пол, — окликнула Грина Роберта, — идика помоги мне выбрать, а то я в этих сальниках ни черта не смыслю.

— Иду. — Грин повернулся к мальчику, который так и не сдвинулся с места, продолжая глядеть на свои старые кроссовки. — Не пугайся, Эдди, я не ругаю тебя, без обид?

Мальчик поднял голову и увидел довольное лицо соседа:

— Без обид.

— Хорошо, ты тут посмотри чего еще, а я пока отвлекусь. — Грин отошел к соседке, которая непонимающим взглядом рассматривала что-то мелкое в своей морщинистой руке. — Итак, чего мы тут не понимаем?

Эдди быстро потерял интерес к разговору двух стариков и украдкой глянул на одеяло. Его съедало любопытство, щекотало нервы, если бы он мог, то непременно сорвал одеяло с тайной ценности мистера Грина. Но он не хотел расстраивать соседа и боялся вновь услышать его пугающий тон.

Эдди сделал шаг в сторону, но сразу остановился от странного ощущения. Ему на миг показалось, что он слышит музыку, напоминавшую фестиваль барабанов. Мальчик закрутился на месте, глядя в разные стороны улицы, но так и не определил источника звука, словно тот был повсюду.

— Ты чего, Эдди? Потерял что-то? — окликнул мальчика мистер Грин.

— Вы разве не слышите?

— Что? — спросила Роберта, не отрывая взгляда от товаров с распродажи Пола. — Я все жду сирену скорой помощи, чтобы они забрали моего горячо любимого мужа на месяц-другой на реабилитацию, а то заколебал, честное слово, — недовольно проворчала она.

Эдди продолжал вертеться, то и дело шурясь и поглядывая вдаль. Он лишь краем глаза увидел мистера Грина, только не обратил внимания, насколько тот пристально наблюдает.

— Эдди, ты чего? — снова заинтересовался сосед.

— Ну вы точно не слышите? Барабаны? Они где-то тут... и там. — Эдди очертил указательным пальцем пространство вокруг.

— Прошу прощения, Роберта, погоди немного. — Грин оставил сальник на столе и с озадаченным видом направился к мальчику. Он положил руку на плечо Эдди и присел на колено перед ним. — Ты говоришь — барабаны?

Эдди с удивлением уставился на мистера Грина и заговорил:

— Да.

— Опиши этот звук, — с каменным лицом попросил Грин.

— Ну... он как будто везде! И тут, и там, — Эдди направил палец себе на лоб, — и здесь. Я такое видел в фильмах, когда армия наступает на противника, их шаг звучит вместе с боевыми барабанами. Они все ближе и ближе.

— Пол, иди сюда, потом поговоришь, — окликнула Грина соседка.

— Погоди, Роберта, — недовольно отмахнулся Грин, не отрывая взгляда от мальчика, — Эдди, ты их еще слышишь?

— Да, они как будто приближаются.

Пол подвинулся к тайной вещице и убрал руку с плеча мальчика, потянувшись к одеялу.

— Ты очень хочешь посмотреть, что там? — Эдди не отвечал, и Пол решил приободрить мальчика. — Не бойся, я не буду ругаться. — Эдвард кивнул. Он прищурился, а в голове послышался громкий удар барабана. — Ты еще слышишь их? Только честно, Эдди, это очень важно.

Эдди снова кивнул, и мистер Грин сорвал накидку с тайного предмета. Под покрывалом прятался сундук. Такие Эдвард видел в фильмах о пиратах, в них были спрятаны сокровища. По размерам сундук напоминал старинный телевизор с кинескопом. Он был сделан из дерева, а его углы обрамлял позолоченный металл. На металле — гравировка из непонятных символов, а на крышке сундука, словно эмблема, блестел металлический круг с углублением для правой ладони.

— Пол, я тут вообще-то жду! — послышался недовольный голос Роберты.

— Потерпи, у меня тут важное дело! Как закончу — сразу подойду! — крикнул Грин.

— Я, по-твоему, до вечера буду здесь стоять? Я сейчас уйду, и ты без денег останешься! — уже визжала Роберта.

— Закрой свой рот и уматывай отсюда, а деньги засунь себе в обрюзгшую задницу, ясно?! — заорал Грин.

Эдди был заморожен сундуком. Ругань двух стариков влетала ему в ухо, но гул барабанов притягивал все чувства мальчика к тайнику. Мальчик поддался внутреннему порыву и протянул ладонь к сундуку и даже почти прикоснулся к нему, когда его руку перехватил мистер Грин.

— Нет, Эдди. Сундук можно взять только после покупки. Он сейчас мой, трогать его нельзя.

Эдди был грубо вырван из мира иллюзий и сначала не понял, что происходит, но быстро пришел в себя.

— Мистер Грин, а сколько он стоит?

— Смотря что ты будешь в нем хранить, сынок! — Мистер Грин придвинулся поближе к Эдди. — Зачем он тебе?

— Ну... — мальчик отвел взгляд в сторону и изобразил застенчивость. — Он мне просто понравился. — Эдди с колотящимся от гула барабанов сердцем вновь взглянул на сундук.

— Я тебя понимаю. — Мистер Грин нагнулся к мальчику и шепотом спросил: — Хочешь, я расскажу тебе одну тайну?

Эдди как замороженный уставился в карие глаза своего соседа, чье лицо уже покрылось испариной от зноя.

— Д-д-да, — неуверенно ответил Эдди, все равно предвкушая тайну, которая всегда так привлекает детей.

— Я его купил очень давно и ни разу в нем, — Пол направил указательный палец на сундук, — ничего не хранил, так что я продам его тебе.

Эдди молча продолжал смотреть в лицо старика. Создавалось ощущение, что происходит некий таинственный обряд передачи реликвии от одного человека к другому. Эдвард подсознательно понимал, что нужно ждать указаний от мистера Грина. Пол положил ладонь на сундук, не отводя взгляда от соседского мальчишки. — Заплати за него столько, сколько сам считаешь нужным, — уверенно отчеканил Пол Грин.

Словно загипнотизированный, Эдди засунул руку в карман летних шорт и выудил оттуда монету достоинством в десять центов, задержал над вытянутой шершавой ладонью мистера Грина и отпустил ее.

Пол посмотрел на дайм и улыбнулся. Эдди немного испугался: лицо мистера Грина обрело легкие очертания чудовища из одного из сотен фильмов ужасов, которые показывают далеко за полночь.

— Эдди, положи на него руку. — Пол кивнул, указывая на сундук. — Не бойся, сегодня он не кусается, — серьезно произнес старик.

Мальчик последовал указаниям старика, намеренно избежав соприкосновения с углублением для ладони.

— Эдди... слышишь меня? — в третий раз повторил Пол.

— Да, мистер Грин, — Эдди даже не заметил, как на несколько секунд пропал в своих фантазиях, из которых его вытащил мистер Грин.

— Теперь он твой, мальчик. И я и ты это знаем. Сундук это знает. Делай с ним все, что пожелаешь. — Мистер Грин широко улыбнулся. — Спасибо тебе!

— За что? — Неожиданно раздался голос Моники Кастер.

Эдди подпрыгнул, а мистер Грин никак не отреагировал на появление девушки. Единственное, что излучал Пол, — счастье, сделавшее его лицо на десять лет моложе.

— Эдди прикупил у меня сундучок. Я думаю, если он неряшлив и разбрасывает свои игрушки, то туда он их и сложит, правда, Эдди?

— Сундук? Эдди, зачем он тебе? — Моника перевела взгляд с брата на соседа. — Извините, дядя Пол, не хочу вас обижать, но он не выглядит дешевым, а отец к нашим карманным деньгам очень трепетно относится и...

— Я понимаю, дочка, — перебил ее мистер Грин, укладывая несколько наборов мини-отверток в ряд, — Эдди дал мне всего дайм. Он не настолько ценен, чтобы я обирал маленького милого мальчика.

— Так у тебя было с собой десять центов? А мороженое на мои карманные решил прикупить? Вот сорванец! — Моника саркастически рассмеялась. — Но свою покупку маме с папой будешь объяснять сам, а тащить тем более. Понял меня, шкет?

— Сама ты шкет! Но если они снова будут на меня кричать, ты мне поможешь?

Фраза, случайно прозвучавшая в присутствии соседа, имела горький привкус: насколько тяжела может быть жизнь ребенка, где его могут отругать родители за десять центов.

Первым неловкое молчание нарушил мистер Грин:

— Не беспокойся, дочка. Сундук не тяжелый, поверь мне. Его хоть и можно сравнить с прочным сейфом, и металлом он обрамлен, но по весу словно картонный.

— Спасибо, дядя Пол. Я не против сундучка, хотя сама в жизни бы такой не купила. Но мальчикам, видимо, в самый раз, правда, шкет?

Эдди не ответил, а продолжил любоваться покупкой, исписанной странными, но не менее интересными символами.

— Так, возьмите, дядя Пол. — Моника протянула руку с очередным даймом. — Я точно забираю три вешалки, неважно, мужские они или еще какие-то.

— Они все там же, дочка. Бери какие душе угодно.

Моника побежала к коробке и взяла две металлические, но очень практичные вешалки, и одну, покрытую розовой резиной. Затем Моника подошла к Эдди и протянула ему вешалки.

— Ты несешь их, а я возьму сундук.

— Спасибо, Мон! Теперь ты мне не кажешься плохой сестрой. — Эдди толкнул ее локтем и хитро улыбнулся.

— Очень смешно, бери.

Эдди взял покупки сестры и удивился, как легко Моника подняла сундук. Мальчик в последний раз посмотрел на соседа.

— Смотрите, мистер Грин, какая Мон сильная. Мне всегда казалось, что она мальчик, а не девочка.

Моника легонько пнула его в качестве наказания за шутку.

— Я же говорил, что он легкий, — сказал мистер Грин.

— Кстати, дядя Пол, а почему вы устроили распродажу?

Сосед на мгновение замер, словно испугавшись вопроса.

— Я переезжаю, милая... хочу пожить в Гринвинпорте, там дом моей... моей дочки.

Эдди понял, что вопрос оказался тяжелым для их соседа.

— А когда вы уезжаете? — спросила Моника, дабы уйти от больной темы разговора.

- На выходных, дочка. Постараюсь распродать побольше барахла и в путь.

- Пошли, Эдди, - подгоняла брата Моника и на прощание обратилась к мистеру Грину: - Приезжайте к нам в гости, дядя Пол. Мы со шкетом будем по вам скучать.

- Обязательно дочка, обязательно, - кивнул им на прощание Пол Грин.

Глава 2

Дверь скрипнула, и брат с сестрой вошли в дом, погруженный в атмосферу криков и скандалов. Первой зашла Моника. В случае отцовского допроса насчет сундука она бы приняла удар на себя, хоть и пугала брата в обратном, а Эдди избежал бы неприятного разговора. Младший член семьи перешагнул порог дома и тихо закрыл дверь.

— Иди наверх и не говори ни слова, понял? — шепнула Моника, кивнув головой влево, указывая путь своему брату.

— Понял вас, сэр капитан, — тихо ответил Эдди и, смотря себе под ноги, быстро прошмыгнул в коридор и поднялся на второй этаж.

Руки Моника заныли, ей казалось, что чем ближе она к цели, тем тяжелее становился сундук. Девушке предстояло пройти знакомый путь через светлый коридор со столиком, на котором красовались ваза с декоративными цветами, телефон кремового цвета и записная книжка с номерами сервисных служб и ближайших соседей. Моника слышала очередные крики спорящих отца и матери. Зачастую, когда родители переходили на повышенные тона или утомляли друг друга до предела, они расходились по разным углам дома, чего так не хотела сейчас Моника. В эти моменты закон подлости обычно ставил подножку, и шансы пересечься с отцом вырастали на несколько тысяч процентов.

— Мне это не важно! — услышала Моника далекий возглас своей матери. — Я тебе говорила, а ты, как всегда, проигнорировал мой совет, вот и мучайся теперь!

— Ты непробиваемая! Я пошел смотреть телевизор.

Моника была практически у цели, но операция по тайному проникновению на второй этаж оказалась под угрозой. Медленно передвигаясь, девушка в очередной раз заметила отсутствие запаха выпечки в доме. Несколько лет назад Оливия Кастер могла задвинуть именитых кулинаров в сторону своими тортами и бисквитами. Запах миндаля и корицы приятно щекотал носы и заставлял желудки урчать в предвкушении вкусного десерта. Последний бисквит от мамы Моника ела еще в прошлом году, но тот оказался непропеченным. Готовка больше не приносила никакой радости Оливии Кастер, а стала своего рода обязательным пунктом монотонной семейной жизни. Телевизор стоял в гостиной, а это значит одно — Джеймс Кастер скоро окажется в коридоре и увидит свою дочь с неприятным сюрпризом в руках. Моника на носочках ступила на первую темноореховую ступеньку.

— Стоять! Что ты там притащила в дом?

— Черт! — тихо ругнулась Моника. — Сундук, подарок Эдди.

Джеймс протопал по коридору и оказался около дочери. Моника повернулась к отцу, предугадывая его хищный интерес. Даже если сундук стоит пару центов, недовольства будет столько, что будь в этом мире фирма, платившая за нервотрепку окружающих, то Джеймс Кастер вмиг бы разбогател. Моника давно понимала установки отца. Банкнота имеет ценность, а дети имеют желания. Контроль желаний своих детей будто стал его персональной ценностью.

— Мон, скажи-ка мне одну вещь, — отец указал пальцем на сундук, — на какой черт Эдди нужно это? — Джеймс гневно повел бровями. — И на какие деньги, скажи пожалуйста, ты можешь себе позволить такие вещи?

— Пап, давай не будем сейчас об этом. Вот это... — она указала подбородком на сундук, — стоит всего десять центов, и я не думаю, что одна монета важнее желания моего младшего брата.

Джеймс пару секунд молча смотрел в глаза дочери.

— А теперь послушай меня! — Указательный палец отца нацелился на дочь. — Когда ты устроишься на работу и будешь получать деньги не от нас, радуй кого хочешь. Ты же знаешь, мы с мамой все еще в трудной ситуации, а ты позволяешь себе так мне отвечать? — Моника

опустила взгляд и сфокусировалась на пуговице, пришитой к карману синей домашней футболки отца. — Вот и я о том же! Даже ответить нечего. — Джеймс тяжело выдохнул. — Я так понимаю, когда я прошу вас быть поэкономнее и каждый цент хранить на нечто стоящее...

— Может, ты перестанешь отчитывать дочь? — перебила Джеймса Оливия, вышедшая из кухни. Некогда обворожительная женщина предстала перед семьей в уже привычном замученном виде: сальные волосы, тронутое морщинами лицо и усталость. — Ты ее все поучаешь, а сам взял деньги на обучение для оплаты долгов. И ты... — Оливия уже вплотную подошла к мужу и дочери, — не можешь решить свои проблемы и перекладываешь их на детей.

— Я пытаюсь немного облегчить наше состояние, дорогая, или ты считаешь, что я только пилить умею?

Оливия проигнорировала мужа и взглянула на Монику:

— Дочка, иди наверх, и да, милый сундучок, дорогая. Эдди дома?

— Наверху, — ответила девушка.

— Хорошо, иди.

Моника простучала кроссовками по лестнице и прошла в комнату Эдди, где ее младший брат лежал с головой под одеялом, таким образом прячась от очередной семейной ссоры. Здесь не нужно быть психологом, чтобы понять, что Эдди уже нанесли травму и она останется с ним на всю жизнь.

Моника присела около книжного шкафчика, забитого комиксами, поставила сундук на пол, и по ее рукам разлилось приятное чувство облегчения. Девушка встала и, встряхивая руками, подошла к кровати Эдди.

— Ты как там, шкет? — спросила Моника, продолжая слегка потряхивать кистями.

Из-под одеяла показалось расстроенное детское лицо.

— Нормально... Мон, они долго будут ругаться?

Сестра заметила, что ответ был без язвительной атаки «сама ты шкет». Это явный показатель того, как сильно все эти скандалы душили детскую радость и медленно убивали в ее брате ребенка, жестоко сталкивая с реальностью. Монике и самой бы хотелось знать, как помочь семье избавиться от долгов и ожить. Все, что придавало ей сил, — младший дурашливый брат и поддержка мамы, которая всеми силами копила деньги на обучение своей дочери и всячески скрывала этот факт от мужа. Моника знала о сокрытии денег и была рада, что отец не знает об их планах.

— Недолго, у тебя же теперь есть это. — Моника посмотрела на сундук. — Может, мы в него запишем все наши проблемы и утопим его к чертям собачьим на дне морском?

— Лучше океанском, — с энтузиазмом подхватил Эдди.

— Ну, если хочешь, мы его и в космос запустим. Или если это будет дорого, надо будет спросить у папы?

Эдвард рассмеялся, тревога понемногу стала рассеиваться, вернув десятилетнему мальчишке приятные и милые детские черты.

— Ты права, папа не одобрит строительство нового «Аполлона». Да и топливо стоит дорого, по телевизору как-то сказали. — Эдди захихикал, и Моника, закрыв рот ладонью, прыснула в ответ.

— Знаешь...

Монику остановил стук в стену около открытой двери в комнату Эдварда Кастера.

— Могу я вас прервать? — спокойно спросил Джеймс.

Моника посмотрела на отца и разглядела на его лице притворную улыбку, не обещающую ничего хорошего.

В последние годы Джеймс приобрел привычку во всем винить окружающих, а его семья выступала главными объектами такого поведения. Когда его внутренний бухгалтер чувствует опас-

ность, он готов испортить любое мало-мальски хорошее настроение и доброе расположение духа.

— Конечно, — ответила Моника, слегка кивая.

— Мон, можно тебя на пару слов?

— Хорошо. — Несмотря на то что девушка не любила, когда ее называют Мон, отцу она никогда не перечила — себе дороже.

Моника вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь. Сейчас она не опасалась отца, в ней давно жил инстинкт, приобретенный в процессе ухудшения положения в родном доме. Она подсознательно готовилась к нападкам, но сдерживала себя от ответной атаки.

— Да, что случилось? — спросила Моника, уже зная, о чем пойдет речь.

— Прости меня, Мон. Ни в коем случае не держи на меня обиду. Сейчас... — Джеймс быстро вдохнул и протяжно выдохнул, — нам с мамой трудно, очень трудно, и...

— Я знаю, как и всегда, — перебила Моника, дабы остановить притворное и заученное извинение. — И я стараюсь вам угодить по всем фронтам, но ты, наверное, думаешь, что я и Эдди хотим подпортить тебе планы, но нет. Мы стараемся, очень стараемся, но ты как-то это пропускаешь.

Джеймс протянул руки и заключил свою дочь в объятия. Прижал ее к себе со всей наигранной отцовской любовью. Этих моментов Монике серьезно не хватало, она мечтала получать настоящие знаки внимания почаще. Но теперь все это делается для того, чтобы отец мог отчитаться Оливии, что принес извинение за свое грубое поведение. Джеймс выпустил дочь из объятий и поцеловал в щеку.

— Мама внизу готовит ужин, не хочешь ей помочь? — поинтересовался Джеймс.

— Конечно хочу, я же кухарка от Господа нашего, или ты забыл?

Рот Джеймса растянулся в улыбке.

— Помню, но не богохульствуй. Ты, кстати, не чувствуешь? — Джеймс закрыл глаза и втянул носом воздух. — Вкуснотища!

Моника глубоко вдохнула и тоже уловила один из своих любимых ароматов, которые в доме Кастеров стали редким приятным явлением.

— Выпечка? Булочки? Пицца? Булочки с корицей? — перечисляла Моника в предвкушении ответа.

— Я думаю, тебе надо спуститься и самой проверить. А корица и вправду там была, если я, конечно, не ошибаюсь. — Джеймс изобразил задумчивость и искоса взглянул на свою черноволосую дочь.

— Эх... я пошла. — Моника сделала первый шаг, но остановилась. — А, чуть не забыла, у меня просьба.

— Какая?

— Хоть разок похвали Эдди. Он сильно расстроен и боится, что зря купил сундук, хотя я и не совсем понимаю, зачем он ему в действительности нужен. Но пусть эта дешевка за десять центов не сверлит ему мозг. — Моника развернулась на месте и, не дождавшись ответа, отправилась на кухню.

Глава 3

Разговору Моники и отца не удалось ускользнуть от ушей юного Эдварда Кастера.

Дверь открылась, и в комнату вошел отец. Джеймс прошел к кровати сына и кинул взгляд на его покупку. Эдди это заметил, но не почувствовал опасения, скорее заинтересованность. Мальчику даже на секунду показалось, что папа разглядел в сундуке то же, что и он сам.

Джеймс наконец взглянул на сына, лежащего на кровати под синим одеялом с изображением команды ночного полета из его любимого мультфильма.

— Могу я присесть? — спросил Джеймс, указывая на край кровати.

— Давай, пап. — Эдди подвинулся, освобождая больше места.

— Спасибо, крутой Уокер... или нет... нет... крутой Эдвард? — с широкой улыбкой спросил Джеймс.

— Пап, Чак Норрис, конечно, действительно крутой, но он уже старенький, — серьезно ответил Эдди, будто они обсуждали внешнюю политику США.

— Думаю, ты ошибаешься. Да, он староват, но это же Чак.

— Пап, ты просто ничего не понимаешь. Он, конечно, сильный, но сейчас у героев есть суперспособности. Чак Норрис просто не победил бы. — Эдди развел в сторону руки указывая на очевидность сказанного.

— Он с самим Брюсом Ли дрался и был молодцом. Ты же не станешь спорить о суперсиле Брюса?

— Я знаю, ты хочешь меня запутать, — посмеялся Эдди. — Все равно у них нет суперсил. Как бы они ни учились драться, в борьбе со злом этого мало.

— А что же нужно для борьбы с ним?

— Хм... — задумался Эдди, приложив указательный палец к губам и отведя взгляд в сторону, затем снова посмотрел на отца: — Я думаю, сейчас мало быть сильным, и суперспособностей не всегда хватает. Сейчас важно быть действительно добрым. Сколько бы людей ни полегло в битве за Вселенную, предатели умирают, а добрые герои вечно живут в нашей памяти. Герои тоже умирают, но для спасения миллионов людей. За всеми этими суперсилами скрывается их доброта, это и делает каждого из них особенным. Вон тот комикс, — Эдди указал на полку на тринадцатый выпуск «Ночных летчиков». — Джори, использовав последнюю канистру с топливом, смог увести... синта... синро...

— Синтетический? — попытался отгадать отец.

— Да, точно, син-те-ти-че-ский организм, который отравил бы все молекулы кислорода на планете, а значит Земля бы умерла. — Эдди настолько увлекся рассказом, что не заметил на лице отца выражение, будто тот обнаружил несколько миллионов долларов в своем кошельке. — И расстояние было таким большим, что он не смог задержать воздух настолько долго, насколько это было нужно, и погиб. Его хоронили как героя. Видишь, пап, они все добрые, а Чак Норрис был и злодеем, так что он не совсем добрый.

— Ты мне целую лекцию о героизме прочитал. Не забывай о своих словах, они очень верны, но некоторые вещи с возрастом ты начнешь воспринимать по-другому.

— Это как, пап? — с интересом спросил Эдди.

— Порой герои бывают и не самыми добрыми. Это как черный юмор. Ты об этом узнаешь, когда подрастешь. — Джеймс кинул взгляд на сундук. — Неплохой вид у этого тайника. Ты еще не придумал, что будешь в нем хранить?

— Пока не знаю, пап, — ответил Эдди, завороченно смотря на свою новую покупку.

— Может, мы спрячем в него всех плохих парней и унесем в подвал? Устроим им заточение в темных глубинах неприступной тюрьмы? Ну, или сложим то, чем ты уже не пользуешься.

— Можно мне подумать до завтра? — не сводя глаз с сундука, спросил Эдди у отца.

— Конечно, только есть одно «но». Нам надо его все равно отнести в подвал, здесь не так много места для него. Кто-нибудь может споткнуться об него ночью, например мама.

— Я не хочу, чтобы мама ушиблась. Можно его отнести, когда я придумаю, что в нем хранить.

Эдди хотел оставить его в комнате, но он не хотел обсуждать это с папой. Решение вопросов о мебели часто заканчиваются ссорой родителей.

— Можно, только ты не тяни с этим, хорошо?

Эдди оторвал взгляд от сундука и, повернувшись к отцу, произнес:

— Хорошо, пап.

Джеймс прижал к себе сына, поцеловав его в темную макушку. Выпустив любителя комиксов из родительских объятий, Джеймс встал с кровати и перед уходом сказал:

— Там скоро мама с Моникой испекут булочки с корицей и пончики. Не хочешь подождать вкусностей в гостиной и поглядеть чего по телевизору?

— Нет, пап, я пока подумаю, что сложить в сундук. Может, перед сном успею его чем-то заполнить.

Эдди и сам не понимал, почему металлические рамки и символы, не виданные им ранее, были настолько интересными.

— Хорошо, но не засиживайся, нужно еще поужинать.

— Да, пап, вы меня крикните, и я принесусь на крыльях ночи.

— Хорошо, летун, договорились.

Эдди продолжал смотреть на сундук. Когда он остался наедине со своим приобретением, в ушах снова появился тихий стук, словно где-то далеко били барабаны надвигающейся армии, разнося на всю округу свою устрашающую силу. Каждый удар раздавался все громче, будто что-то приближалось из далеких миров. Эдди лег поудобнее и перевел взгляд на отверстие на крышке, как раз подходящее для ладони взрослого человека. Он не заметил, как светло-желтоватый отблеск на металле сменился на холодный серебряный, и вскоре под легкий шум барабанов мальчик унесся в сон, воображая, как он впервые откроет свой сундук.

Глава 4

— Иди позови брата, незачем кричать на весь дом, — попросила Оливия дочь. — Я все расставлю.

И папу позови. Тебе, кстати, какой сок, дорогая?

— Апельсиновый, ты же знаешь, до него я добираюсь редко. Эдди его галлонами пьет, а я остаюсь ни с чем.

— Мне ли не знать, я и сама его люблю. Хорошо, что наш папа любит молоко.

Мать и дочь улыбнулись друг другу, обсуждая своих главных мужчин в жизни.

Девушка поднялась на второй этаж и увидела, что из дверного проема комнаты брата не сочится свет. Она тихонько приоткрыла дверь и застала сопевшего Эдди в своей кровати. Он даже не переоделся ко сну.

Моника тихо прошла и приоткрыла окно. Комнату заполнили звуки ночной улицы. Ветер гулял по городу, а ночная прохлада проникла в комнату к мальчику, спящему в окружении своих героев, запечатленных на страницах комиксов.

Моника, смотря на любимого брата, на носочках направилась к выходу, пока ее большой палец ноги не стукнулся о сундук.

— Твою мать! — тихо выругалась она.

Палец охватила горячая волна боли, которая пронеслась по телу. Внутри появилось отвратительное колкое ощущение. Девушка хотела упасть на пол и схватить ногу руками — так ей казалось, что боль скорее уйдет. Скорчив гримасу, она бросила взгляд на Эдди, но звук удара не потревожил его сон.

— Чертова хрень, — укорила девушка сундук и, медленно прихрамывая, вышла из комнаты.

Очутившись в коридоре, тускло освещенном декоративной дизайнерской люстрой из моды прошлого десятилетия, Моника посмотрела на ступню в белом носке. Кровавого следа не было, но боль все еще пульсировала на кончике пальца.

Моника тихим шагом спустилась и вошла на кухню. Отец сидел за столом и запихивал кусок булочки с корицей в рот, запивая молоком. Мать сидела рядом и макала свой пончик в миску с клубничным сиропом.

— Как там Эдди? — спросила Оливия.

— Он спит, а я въехала ногой в его сундучок, и скажу вам, он больно дерется. — Моника вяло улыбнулась и села напротив отца.

— Тебе что, дорогая? Хотя зачем я спрашиваю? — Оливия взяла из корзинки для выпечки две булки, щедро посыпанные корицей, и положила на тарелку дочери.

— Сундук надо переместить в подвал. Я как раз ему об этом говорил, а он мне — «потом, потом», и вот результат — первая жертва, — сказал Джеймс, прожевывая очередной кусок булочки.

— Да ладно, там темно, вот и вмазалась. Сама виновата, — попыталась оправдать брата Моника и надкусила столь желанную мамину выпечку.

— Если хотите, бейтесь об него сколько угодно, но давайте делать это в подвале, а то недалек момент, когда кто-то сломает себе ногу, а со страховкой, сами знаете, беда. — Слова хозяина дома прозвучали с явной ноткой приказного тона.

— Джеймс, давай оставим эти пустые разговоры? Лучше скажи, что завтра делаешь?

— А то ты не знаешь! Хватит по десятку раз спрашивать одно и то же!

— Хм, — недовольно выдохнула Оливия. — Может, ты успокоишься и не будешь заводить? Я просто спросила, или тебе трудно поддержать разговор?

Джеймс резко оторвал кусок от булочки с корицей и кинул недовольный взгляд на жену.

— Ладно... ладно, я поеду в офис и попытаюсь как можно больше унизиться и передать всю мою жалость какому-нибудь идиоту по телефону. И тогда, может быть, я получу заказ и смогу подзаработать на этом. — Джеймс демонстративно выставил перед носом жены надкусанную выпечку и при этом горько улыбнулся.

Оливия, словно не заметив эту выходку мужа, натянуто улыбнулась дочери.

— Дорогая, как там Люси? Она завтра уезжает?

Моника слегка опустила голову, чтобы никто не заметил ее огорченное очередной ссорой родителей лицо.

— Через неделю. Она поступила в университет Индианы. Кстати, завтра я могу пойти попытаться устроиться официанткой в наше местное кафе у шоссе. Люси как раз оттуда уволилась и может замолвить за меня словечко.

— Это здорово! — подхватила инициативу дочери Оливия. — А ты не...

— Минуточку, — перебил Джеймс свою жену. — Почему ты не спросила меня? Я бы тебе точно нашел работу в конторе.

— Пап, давай не будем об этом, — отстраненно произнесла Моника.

— Давай я буду решать, о чем я буду, а о чем нет. Хорошо? — отрезал отец. — В то время, когда мое предприятие обеспечивает нам существование, ты вот так вот с легкостью, — Джеймс перебирал пальцами в воздухе, будто изображая полет мысли, — выбираешь работу, где тебя и в грош ставить не будут? Да, и что уж говорить о том, что тебе под юбку так и будут лезть разные ублюдки!

— Джеймс... — попыталась встрять в разговор Оливия.

— Помолчи и не лезь! — грозно отчеканил Джеймс, не сводя взгляда с дочери. — Ты проявляешь неуважение ко мне. Да, я знаю, в чем-то я виноват, что ты в этом году пролетаешь с университетом. Но я стараюсь сделать все для твоего будущего. Так что завтра я бы тебе не советовал идти в это, как ты выразилась, кафе, а направиться вместе со мной в контору, и я...

Мало кто из членов семьи Кастеров проявлял силу характера в разговоре с отцом. Чаще всего это было чревато моральным давлением. Но не сейчас.

— Послушай меня, папа, — со слезами на глазах Моника вскочила со стула и встала подальше от стола, — именно ты и виноват! Все... все мои друзья уехали! Осталась только Люси, и та скоро уедет! — Моника расплакалась, но не позволила голосу задрожать. — Если ты думаешь, что я тебе еще за что-то благодарна, то ты ошибаешься. Ты забрал у меня все и теперь хочешь забрать то единственное время, которое я могу посвятить, помогая себе. Засунь себе эту работу знаешь куда?

Моника не успела закончить, как ее намокшее от слез лицо больно обожгло.

— Еще одно слово, и я тебя по стенке размажу! — угрожающе прорычал отец.

Оливия подбежала к дочери. Моника не опустила голову, а уверенно продолжала смотреть на отца опухшими от слез и осуждающими глазами. Оливия, осмотрев дочь, развернулась к мужу и дала ему пощечину не меньшей силы, чем отец вложил для дочери.

— Если ты... если ты еще раз прикоснешься к ней... — Оливия говорила весьма серьезно, направляя свой указательный палец в лицо Джеймса, — я тебя быстро сдам полиции. Только попробуй сегодня прийти в спальню! Ты пал в моих глазах. Я тебе обещаю, только тронь ее еще раз!..

Оливия, не сводя глаз с Джеймса, нащупала рукой дочь и приобняла ее за плечи, а затем медленно увела ее в спальню.

Джеймс даже не повел бровью, развернулся и снова уселся за стол. Весь его вид говорил: ничего страшного не произошло.

Моника ничуть не удивилась произошедшему. Она давно перестала уважать отца, и его срыв был лишь вопросом времени. Но она победила. Отец не получил того, чего хотел, а значит,

дочь все-таки стала взрослой и самостоятельной. Все было как в песне, которую она слышала где-то года два назад по радио: «Пока мы молоды, мы непобедимы!»

Оливия уложила дочь в постель, укрыла ее темно-фиолетовым плюшевым одеялом и села рядом. Достала платок из кармана домашних спортивных штанов и вытерла слезы с нежных щек дочери.

— Милая, я, конечно, не хочу это говорить, твоя работа — очень правильное решение, но я думаю, что смогу оплатить первый курс твоего университета. Завтра должно многое решиться на моей работе, и мы бы смогли подать документы и устроить тебя в Валааме. Я все узнала заранее.

Монику словно холодной водой окатили. От горечи домашней катастрофы не осталось и следа, если не считать дорожек подтекшей туши на щеках. Подскочив, она резко села на кровати.

— Ты серьезно? Или ты хочешь меня обманом успокоить?

— Конечно хочу! — Оливия опустила руки на ребра Моники и принялась щекотать.

— Ха-ха-ха... Верю, верю, хватит, мама!

— Т-с-с... — Оливия продолжила шепотом: — Давай не будем заставлять кого-то подслушивать нас.

— Мам, мы же уже разговаривали об этом, нам не хватает две с половиной тысячи долларов. Мы же подсчитали...

— погоди, — перебила Оливия дочку, — в Валаамском университете мы сможем получить скидку, а знаешь почему? Мой начальник — один из инвесторов этого университета. Все работники агентства имеют такую возможность, главное — чтобы ребенок был неглуп, а ты такая, я знаю.

— А то! — закрепила Моника.

— Со скидкой нам не хватает всего тысячи долларов в год. И завтра мне, возможно, выпишут премию. А ты знаешь, что все деньги свыше жалованья я провожу без ведома отца.

— То есть подожди... Мам, ты серьезно?

— Да, только тихо! — Оливия приставила палец к губам. — Но пока все неточно. Давай подождем до завтра, и там будет видно, хорошо?

— А куда же я могу поступить? Думаю, все факультеты будут нарасхват.

— От тебя ничего не скроешь. Я уже звонила. Если все сложится удачно, то управление ресторанным бизнесом у нас в кармане.

Моника потянулась к матери и изо всех сил прижала к себе. Губы она приложила к ее уху и прошептала:

— Спасибо, спасибо, спасибо!

Благодарность она завершила поцелуем в щеку. Оливия приобняла дочь в ответ, медленно опустила ее снова на кровать и укрыла.

— Давай тогда дождемся завтра. Не торопи время, а терпение у нас что?

— Вознаграждается!

— Правильно. — Оливия поцеловала дочь на ночь. — Спокойной ночи.

Затем она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Пока Моника укладывалась на бок и прижимала к груди теплое одеяло, Оливия прошла в спальню, которая хранила память о множестве страстных и романтических ночей. Не меньше счастья приносили маленькие Моника с Эдди, часто прибегавшие переждать грозу в кровати мамы и папы. Оливия приняла прохладный душ и, облачившись в ночные шорты и майку, легла на кровать и вмиг провалилась в сон.

Последний бодрствующий в доме человек прошел в гостиную и, разместившись в старом кресле, включил телевизор. Свое внимание он остановил на документальном фильме о Второй мировой войне и, сам того не заметив, тоже погрузился в сон.

Глава 5

Пока семейство Кастеров видело сны, в доме проснулось нечто иное — безобразная масса очнулась в комнате Эдди. Сгусток отвратительной плоти, каждое движение которого сопровождалось звуком, напоминающим чавканье от смакующего плоть монстра. Каждый новый всхлип рождал из массы новую склизкую конечность алого цвета. Существо трансформировалось раз за разом, перетекая из одной формы в другую. Оно двигалось и тянуло за собой свой дом — небольшой сундук, на гравировке которого засияли древние символы. Каждый новый кусок мяса перерастал из небольшого отростка в новую желейную конечность и, цепляясь ими за пол, переносил сундук из комнаты спящего Эдди.

Каждое движение накладывало отпечаток на все вокруг. Воздух становился густым и удушающим, свет терял частицы и становился бледным, сам дом словно отравлял свою атмосферу, проникая в сны своих обитателей.

Первым был Эдди. Гул барабанов вернулся. Картинки сна стали стремительно проноситься перед ним. Теперь он не ночной летчик — он свидетель. Перед его глазами ярко вспыхивал свет, раз за разом озаряя одну и ту же картинку: чья-то рука сжимает нож с блестящим и острым лезвием, и она все ближе.

Масса, выползая из комнаты Эдди, отростком кинулась на шкаф с комиксами, который чуть было не упал. Существо быстро ощутило в предмете ненадежность и отцепилось от шкафа, прилипнув к стенке, а шкаф тяжело встал на место, заставив комиксы внутри подпрыгнуть. Выбравшись из комнаты, желейная плоть потянулась щупальцами к лестнице на первый этаж.

Затем настал черед Моники. Сквозь сон она чувствовала, как каждая частичка ее тела, каждый сустав утопал в реке боли. Движение полоскало чувства, как опасная бритва поражает чувствительную кожу.

На каждой ступени сундук то и дело падал на влажную и эластичную форму кровавого существа. Масса из плоти и крови вцепилась отростками в стенки сундука, не давая ему кубарем покатиться вниз. Преодолев лестницу, сгусток пополз по коридору.

Оливия тонула в океане пресной воды. Она без конца вливала себе в глотку живительную жидкость, основу всех основ, то, что дает жизнь, и ей казалось, что жажда никогда не кончится.

Новые отростки прилипли к ручке двери, ведущей в подвал. С чмокающими звуками конечности отворили проход вниз. Масса протасила себя вместе с сундуком внутрь и так же, как и ранее, преодолела путь по лестнице вниз, пока не оказалась на бетонном полу подвала.

Джеймс... Ему было хорошо. Это был вовсе не кошмар. Он стоял перед волшебной печью, из которой стремилось вырваться жгучее пламя. Мужчина с довольным видом закидывал в огонь каждого члена своей семьи. Он получал от этого удовольствие. Его семья выстроилась бесконечной очередью из своих двойников, и каждая жертва заставляла разгораться печь все жарче. Но самое приятное — не это жертвоприношение. Приз — вот цель этого безумного сожжения. С другой стороны печи выезжал конвейер. Каждая смерть в пламени конвертировалась в пачки новеньких банкнот. Свежие, еще теплые деньги — вот результат его жертв. Джеймс улыбался. Его улыбка отражалась на сверкающей пластине приборной панели печи. Он всего раз увидел свое отражение. Бе зумное лицо, изуродованное сочащимися гноем ранами. Это было лицо настоящего Джеймса. Он так любит тепло. Тепло своих денег.

Нагромождение плоти двигалось в сторону дальней стены подвала. Издав последний громкий отвратительный звук, сгусток будто обрадовался новому месту и за несколько секунд скрылся из виду, просочившись обратно в свой дом.

Сны потихоньку оставляли жителей дома. Кошмар спит, пока спокоен Он. Плоть имела имя, но обитателям дома оно было неизвестно. Никто не должен знать, а значит имя — тайна.

Как только бесформенная тварь обрела свой уголок, сны исчезли. Тварь укрылась там, откуда пришла. В далеком коридоре миров, в месте, где любая душа найдет исполнение своих желаний, а ответственность — своих должников. Тварь уснула. Но скоро сны снова придут к хозяевам дома, а вид их будет реален. Осталось совсем чуть-чуть.

Глава 6

Сквозь веки солнце начало пощипывать глаза маленького мальчика. Прикрыв их ладонями, Эдди привстал в своей кровати. О кошмаре он даже не вспомнил: память далеко запрягала острие ножа. Мальчик спрыгнул с кровати и босиком отправился в их с Моникой общую ванную. Краем уха он услышал, как в комнате сестры гремит что-то похожее на флаконы с лаком или чем-то подобным из девчачьего репертуара. Он подумал, что Мон уже воспользовалась ванной, а даже если нет, не беда. Он закроется на защелку, а сестра пускай терпит.

Выдавив на зубную щетку пасту для взрослых, Эдди принялся тщательно полировать зубы. Ванная, как и всегда, сияла ярким блеском белого кафеля и бликами начищенного большого зеркала над раковиной. Чистоту в доме поддерживала Оливия Кастер. Уборка и редкая готовка стали ее отдушиной и своеобразным оберегом от мужа. Когда Оливия приводила дом в порядок, Джеймс ее не беспокоил и искал себе другое развлечение, нежели доставать жену, чтобы в очередной раз выпустить пар. На регулярность уборки не повлияла и новая работа. Никто из семьи не помнил, чтобы мама жаловалась на усталость после трудового дня. Будто переступая порог дома, у нее открывалось второе дыхание и появлялся бойкий настрой изничтожить любую грязь и хаос. Правда, уборка затирала лишь внешнюю оболочку, тогда как внутреннюю атмосферу беспорядка Оливия не может отстирать так же просто, как винное пятно на ковре в гостиной.

Эдди, дочистив зубы, сполоснул щетку и прополоскал рот. Он умылся и пригладил мокрыми руками примятые после сна волосы. Вышел из ванной и вернулся в свою комнату. Проходя мимо шкафа, он заметил, что несколько комиксов из серии «Мировых баталий» немного выпирают наружу, словно кто-то толкнул шкаф и забыл прибрать место преступления.

Поправив первый комикс, Эдди взглянул вверх. В голову с реактивной скоростью ворвалась мысль о предложении папы спрятать в сундук плохих парней. Он резко обернулся и заметил пропажу. Его сундук исчез, не оставив и следа, если только... «Точно, — подумал маленький детектив. — Папа пришел ночью и забрал сундук. Но куда он его дел? Надеюсь, он не отправил его к мусорным бакам». Мальчик испугался, ведь отец мог так поступить, хотя и разрешил подумать до утра.

Эдди, словно напуганный кролик, сорвался с места. Выбежав в коридор, он чуть не снес с ног сестру.

— Утро еще не началось, а ты уже хочешь меня грохнуть? Ух. — Моника приложила ладонь к животу. — Ну ты придурок!

— Мон... прости. Я не хотел...

— Еще бы ты хотел. Куда ты так летишь? — сестра вновь сморщилась, намекая на довольно болезненное последствие столкновения.

— Сильно ударил? — искренне поинтересовался Эдди.

— Нет, но ты глаза используешь не по назначению. Просто живот болит. — Моника улыбнулась. — И тебе пока рано знать, почему у девочек иногда болят животы.

— А я и так знаю, — спокойно выдал Эдди.

— Да неужто? Хотя заткнись! Не хочу от тебя этого слышать.

Моника завершила разговор на серьезной ноте, а Эдди решил не высказывать и так очевидные вещи. Он знал, что сестра просто не хочет рассказывать маме о том, как он ударил ее плечом. Вот она и придумала какие-то боли.

После короткого молчания вопрос повторился:

— Куда ты так торопишься?

— Мон, мой сундук пропал. Папа вчера просил унести его в подвал, но разрешил мне подумать, что в нем хранить. Я проснулся, а его и нет.

— Да, и мне папа говорил про подвал. Я, кстати, ночью вмазалась в твой сундук пальцем. Тебе повезло, что я не сломала ноготь. — Моника переминалась с ноги на ногу.

— А вдруг папа его выкинул? Он может, я знаю, — испуганно предположил мальчуган.

— А что тебе мешает спуститься и проверить?

— Пошли со мной, я не хочу встречаться с папой. Вдруг он и правда его выкинул, — неубедительно вымолвил Эдди.

— Да ты просто писаешься в штанишки. Тебя в подвал даже силой не затащишь.

— Честное слово. Ну Мо-о-он. По-жа-луй-ста. — Эдди сложил ладони, взывая к высшему разуму, к своей сестре.

Моника погладила брата по голове:

— Пошли, пошли. Куда мне деваться.

Они вместе спустились к двери в подвал. Родители копошились на кухне. По утрам они редко ссорились. Отец частенько собирался на работу, где нервы ему изрядно потреплют, а все проблемы он принесет вечером домой и изрыгнет их на каждого встречного. Мама же, как всегда, постарается отгородить детей от отца.

Когда дверь подвала отворилась, стоящий за спиной сестры Эдди взгляделся в темный лестничный пролет. Подвал сегодня казался не таким страшным, как обычно. То ли это было влияние сестры, то ли лучи летнего солнца, сочащиеся из двух маленьких окошек, разгоняли привычный страх.

— Ты первый, здоровяк. Давай, прояви героизм твоих разодетых чувачков из комиксов. — Моника протянула ладонь в сторону лестницы. «Только после вас, сэр».

Эдди, сглотнув, оторвал взгляд от лица сестры и неуверенным шагом ступил на лестницу. Страх было немного, но он был, и словно цепь заключенного укорачивал и без того маленький шаг мальчишки. Много времени не понадобилось. Эдди за десять секунд преодолел лестницу и оказался в освещенном подвале, который был заставлен множеством предметов из истории американской семейки Кастер.

Лопата и грабли зловеще торчали из-за старой жаровни. Будь здесь помрачнее, Эдди бы точно удрал куда подальше, приняв образы инструментов за лапы кровожадного монстра. Но бояться нечего — здесь светло, да и боевая сестра на подхвате.

Долго искать не пришлось. Сундук был в подвале. Он обосновался у стенки между двумя маленькими окошками, выходящими в сад, в месте, куда не доставали солнечные лучи. Эдди подбежал к сундуку и присел рядом. Осмотрев его, хозяин убедился, что с вещью все в порядке.

— Все в норме? Теперь пошли, мне надо с мамой поговорить.

— Мон, помоги, пожалуйста, убедить папу перенести его отсюда.

— Во-первых, зачем? Во-вторых, еще раз назовешь меня Мон — я уйду отсюда и оставлю тебя одного.

— Ну, папа знает. Я сюда ни за что не буду спускаться. Тогда зачем он мне? Так нечестно!

Эдди жалостливо посмотрел на сестру. Он верил, что сделай вид еще жалче, она точно ему поможет.

— Вот тут, мальчик, обойдешься без меня. Я тебе говорила, ты еще проблем наберешься с этим сундуком. Пошли, мне надо найти маму, пока она не ушла. — Моника рукой поманила брата к себе. — Сейчас все равно лето, и тут днем будет светло. А лампочку я попробую достать и вставить вместо перегоревшей. Ок?

— Хорошо.

Эдди с обидой на весь мир поднялся по лестнице. Моника от него не отставала. У самой двери в коридор дети столкнулись с родителями. Мальчик понял, что папа зачем-то ведет маму в подвал. Видимо, как всегда, найти утерянную нужную вещь для машины.

— Так, не мешайтесь, проходите. Мы торопимся. — Джеймс отошел в сторону и дал своим детям вышмыгнуть из подвала.

— Мам, можно с тобой поговорить? Это недолго.

— Давай вечером, дорогая. Я и так опаздываю, а тут еще ваш папа утащил нужные мне папки в подвал. Видите ли, они мешались ему на столике в спальне. — Оливия поцеловала дочь в лоб. — Давайте идите, лучше не путайтесь у отца под ногами.

— Хорошо. — Моника положила ладони Эдди на плечи и повела его в гостиную.

Пока Оливия спускалась, Джеймс уже стоял у лестницы и протягивал папки своей жене. Оливия взяла их без слов и развернулась на месте, чтобы уйти, но ее остановили слова мужа:

— Видишь, — Джеймс оторвал от чего-то взгляд и посмотрел на жену, Оливия озадаченно обернулась, — детки молодцы. Сказано — сделано. Сундук стоит в подвале, как я и велел. Они сейчас перетасили его сюда.

Оливия смотрела на мужа, и когда их взгляды встретились, она проговорила:

— Ты, кажется, забыл, что вчера ударил дочь. Пока не попросишь прощения и она тебя не простит, даже не смей говорить со мной так, будто ничего не произошло. Я забираю машину и прошу тебя не трогать сегодня детей. Соберись и просто иди на работу. Надеюсь, ты найдешь время обдумать вчерашний поступок.

Не дав мужу даже возможности ответить, Оливия вышла из подвала и уже через семь минут завела машину и отправилась в Риплтаун на работу.

Джеймс все это в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.